

ПРАКТИКА ВЫШЕ ТЕОРИИ,

неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс, Ленин. Любая забастовка, писал Ленин, много важнее парламентской борьбы. Каждый практический шаг, объяснял Маркс, дороже дюжины партийных программ.

Д. Лукач в работе о Ленине, написанной в 1924 году, доказывает, что творчество Ленина – это единство теории и практики. Но диалектическое единство – еще не вся диалектика, диалектика говорит и о борьбе находящихся в единстве противоположностей, а сама диалектика еще не есть материализм.

«... для марксиста, ТЕОРИЯ, это категория, принятая для обозначения ПРЕДЕЛЬНО ВЫСОКОГО уровня отражения человеком окружающей действительности, а теоретик, это человек овладевший данным уровнем отражения», - ничтоже сумняшеся, пишет ярый враг капитализма, сталинист Валерий Подгузов.

«... нет ничего абсурднее, чем называть себя коммунистом и противопоставлять теорию практике, - продолжает Подгузов, - ... теория есть органическая, неотъемлемая часть революционной практики, если эта практика коммунистическая».

Умойтесь, Спартак и Артигас, Кромвель и Гаврош, Боливар и Сен Жюст, Кастро и Виктор Хара, ваша практика – не есть революционная практика. Профсоюзы зря ведут свою борьбу – ведь их практика не коммунистическая. Распустить профсоюзы! Заодно никните все ученые не марксисты – ваши открытия суть обман трудящихся.

Материя первична, признает Подгузов. Но!!!

«... ровно в той мере, в какой материя совершает качественный скачок, порождая свою принципиально НОВУЮ форму, ОБЩЕСТВО, в той же мере происходит качественный скачок роли отражения в развитии общества», решение всегда предшествует действию», - изо всех сил пытается Подгузов запрячь телегу поперек коня. Но ему бы в средней школе еще поучиться, слово «скачок» пишется с буквой «о».

«Практика выше теоретического познания, ибо она обладает достоинством не только всеобщности, но и непосредственной действительности», - разъясняет в 1908 году Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

«Явная вульгарность, - пишет некий сталинист, - содержащейся в цитате мысли о том, что "практика выше теории" входит в явное противоречие с философией марксизма, которая устанавливает ЕДИНСТВО теории и практики в теории познания, а практике отводит роль "мерила" теории, но отнюдь не самостоятельную, а тем паче главенствующую роль».

Сталинист утверждает, что эту тему якобы запустили троцкисты. Т.е Ленин – вульгарный троцкист, противоречащий в этой фразе марксизму.

Все наоборот, Антонию Грамши пишет, что философия Маркса является философией практики. Познание объекта, - выделяет Маркс роль практики в сравнении с теоретическим познанием, возможно лишь путем воздействия на объект: «Чтобы познать пудинг, надо его съесть». Если воздействие на астрономические объекты опосредовано в земных лабораториях, то кризис современной космологии связан именно с невозможностью воздействия на «объект».

То, что не сознание теоретика первично, а общественное бытие первично – остается за пределами понимания сталинистов.

Сталинистам вторят буржуазные идеологи. Так, П. Н. Кондрашов цитирует Маркса: «... хотя мышление и бытие отличны друг от друга, - пишет он, - но в то же время они находятся в единстве друг с другом» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 119).

И заключает: «Поэтому соотношение общественного бытия и общественного сознания в философии Маркса следует понимать именно в этом динамическом, действенном, а не материалистически-онтологическом аспекте».

Даже тысяча Марксов, - втолковывает Ленин буржуа и сталинистам, не способны управлять экономикой.

Смысл высказывания сталиниста ясен: теория диалектически связана с практикой, но теория, а с ней и вожди, цари, президенты – первичны, они демиурги истории. Класс – вторичен, это стадо баранов, которое должно следовать за теоретиком. «Стадо баранов во главе со львом победит стало львов во главе с бараном», - обосновывал руководящую роль партии пермский идеолог КПРФ, историк, доцент классического университета Дементьев. Павел Грудинин повторил эту фразу в приложении к Великой Отечественной войне, что вызвало негодование ветеранов – их отождествили с баранами.

По мнению буржуа и сталинистов, рабочие – не принадлежат к роду способных мыслить Homo sapiens, они не способны думать собственной головой. «Не может черномазый играть на рояле!» Почему и сахар белый-белый должен делать черный негр? – вопрошает сталинистов Маяковский. Тем, кто хочет думать самостоятельно, сталинисты немедленно приклеивают ярлычок «анархия».

В 1924 году Сталин перед партийцами произнёс речь, в которой партия провозглашалась как особая каста лучших людей, по выражению Сталина, «своего рода орден меченосцев». «Мы люди особой породы, - говорил Сталин, - не каждому дано принадлежать к ... армии Ленина». И вырезал 17-й съезд лучших. Что говорить об остальных?

Разумеется, точка зрения сталиниста – идеалистическая, буржуазная. Марксизм же в противоположность сталинизму ставит первичными практику и класс. «Социализм, - пишет Маркс, и Ленин за ним повторяет, - это живое творчество масс». Масс, а не партий, не партийных вождей. Ленин призывал свести роль партийного госчиновника к роли простого исполнителя воли трудящихся. Именно поэтому он считал, что каждая кухарка должна учиться управлять государством.

Сталинист точно так же, как буржуа, полагает, что его место – во главе производства, рабочие должны ему подчиняться. С точки зрения сталиниста и буржуа рабочий класс – темная, косная, инертная материя, куда элита общества должна, как господь бог, привносить политическое сознание. Это положение принадлежит Эдуарду Бернштейну, и сталинисты свято ему следуют.

Понимание главенства практики над теорией – один из важнейших пунктов марксизма. В извращении этого пункта, в признании теории и партии главенствующими над практикой и над классом сталинизм и троцкизм абсолютно совпадают.

Для сталиниста и буржуа история человечества – это история царей, падишахов, президентов, партийных вождей. Был Сталин – страна развивалась, умер Сталин, пришел Хрущев – страна начала распадаться.

Марксизм же, наоборот, доказывает, что история человечества – не история лидеров, а история борьбы классов. Марксизм отводит партии глубоко вторичное место. «У социал-демократов нет задачи построения партии, - пишет Ленин в проекте к 1-й программе РСДРП, - у социал-демократов есть задача помощи пролетариату в его самоорганизации». Речь не о создании конторы под названием «партия». Речь об «организации всего пролетариата в политическую партию» (Манифест коммунистической партии»).

Буржуа выступает честно - под флагом антикоммунизма, сталинисты же укрывают свою буржуазную суть ширмой марксизма. Поэтому сталинисты суть злейшие враги рабочего класса. История это подтверждает: избыточных смертей за период правления Сталина (кроме периода ВОВ) – порядка 5 млн, рабочие, крестьяне, врачи, ученые, военные и даже революционеры, отдававшие свои жизни за дело рабочего класса, проливавшие свою кровь в Гражданскую, были определены сталинской кликой во враги народа.

Именно поэтому сегодня буржуазные власти России стараются принизить Ленина и поднимают на щит Сталина.

Настоящее неназываемо, - писал Андрей Вознесенский. Поэт имел в виду, что сущность человеческого «я» уникальна, она не может быть выражена вербально. Аристотель же в виду уникальности любой субстанции утверждал, что непознаваемо любое единичное. Диалектики общего и единичного Аристотель не предполагал.

Настоящее непознаваемо, - считал Кант. Вещи вокруг нас, считал Кант, известны нам по тому действию, которое они на нас производят. Но сами вещи – непостижимы.

«...если уничтожить наши субъективные свойства, то окажется, что представляемый объект с качествами, приписываемыми ему в чувственном наглядном представлении, нигде не встречается, да и не может быть нигде найден, так как именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления», - писал Кант в «Критике чистого разума» (Ч. 2, Гл. 2.).

Но возможность познавать – факт. Кант объясняет его с помощью трансцендентальной апперцепции, сверхличной формой сознания, сверхчувственным постижением, озарением, медитацией и пр. Диалектика была неведома Канту, он не мог представить, что явление – сущностно, а сущность – является. Именно это неведение диалектики дало жизнь субъективному идеализму, который воздвигал из человеческих чувств стенку между субъектом и внешним миром. Это же неведение стало и гносеологической причиной возникновения и позитивизма, и релятивизма. Здесь же и корни неопозитивизма Поппера, Фейерабенда и др., только релятивизм Фейерабенда сосредоточен не на индивидуумах, а на этносах. Фейерабенд не изобрел ничего нового, махист А. Богданов тоже понимал практику как коллективный опыт, т. е. ощущения многих лиц.

«Ведь объективность... это либо гипотеза, либо приближенное», не истина, утверждает Кьеркегор. Вопрос «что есть истина» он заменяет вопросом «что есть сумасшествие». Истину он понимает лишь как истину исключительно для него самого.

Субъективный идеализм отличен от субъективного идеализма Беркли, Фикте или Юма. Юм не сомневался в существовании внешнего мира, просто не виде достаточных этому доказательств. «Есть ли действительность внешний мир? – задает вопрос Кьеркегор и отвечает – Действительность есть внутренний мир». В отличие от Фикте он не допускает даже мысли о переходе от субъективистской антропологии к онтологии, к бытию, от «я» к «не-я» или к другому «я».

Кьеркегор шел не от логики, но от чувства, он с ходу отвергал понимание человеческой сущности как сущности разумной. Кьеркегор не желал понимать, что мировоззрение человека, его личность формируются общественными отношениями, он не понимал, что особость человека появляется как новое системное качество, возникающее только в обществе. Кьеркегор определяет человека через уникальность, через страсть.

Разумеется, субъективный идеализм возник задолго до Канта, Беркли или Кьеркегора, еще в античной философии, так, релятивизм видим у Сократа, он выступает против детерминизма, исходным пунктом для него является субъект, прислушиваться, согласно Сократу, нужно не к природе, а к демону, к особому внутреннему голосу, наставляющему в важнейших вопросах.

Настоящее не наблюдаемо, - говорят квантовые мистики. Спин элементарных частиц не наблюдаем в принципе. Наблюдаемы лишь его проекции. Квантовые мистики отделяют проекции (явление) от сущности, более того, объявляют результаты эксперимента зависящими от конкретных чувствований конкретного наблюдателя-экспериментатора, ведь в каждом эксперименте может обнаружиться та или иная проекция.

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, - вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления», - пишет Маркс во 2-м тезисе о Фейербахе.

Во 2-й главе книги «Материализм и эмпириокритицизм Ленин пишет: «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем; что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец».

Принцип верификации, сформулированный неопозитивистами Венского кружка, казалось бы, совпадает с марксистским пониманием практики как критерия истины. На самом деле это его подмена. Мориц Шлик, Витгенштейн, Карнап, лидеры Венского кружка, не предлагали поверять теорию практикой. Они определяли истинность того или иного предложения путем его разбиения на протокольные, т.е. такие, которые соответствуют наблюдаемой действительности, если такая редукция возможна, предложение объявляется истинным. Примитивно, да и неверно, поскольку общее «понятие не есть нечто непосредственное... — непосредственно только ощущение «красного» («это — красное»))» (Ленин. ПСС, Т. 29, С. 253). Более того, любое предложение внутренне противоречиво, яркий пример – парадокс лжеца.

Но целью Венского кружка была отнюдь не истина, а борьба с марксизмом. Философские суждения не могут быть посредством логической цепочки рассуждений сведены к эмпирическим утверждениям, которые их могут подтвердить или опровергнуть, поэтому неопозитивисты объявили философию (в первую очередь, марксизм) не наукой. Якобы философия – не прогностична.

Как отмечал Ленин: «...за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счёте выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм» («Материализм и эмпириокритицизм», «Заключение»).

Крах потерпели все попытки буржуазных экономистов дать какие-либо прогнозы. Подборку их пророчеств нетрудно найти в интернете:

«Накануне и даже в ходе Великой депрессии Ирвин Фишер дал прогноз о мощном росте экономик ведущих стран. М. Блауг отметил: «Его огромное влияние среди профессиональных американских экономистов (не говоря о его личном состоянии) рухнуло в 1929 году: он не только не сумел предсказать крах на Уолл-стрите, но и после его наступления продолжал месяц за месяцем утверждать, что начало великого бума уже за углом» (100 великих экономистов до Кейнса, СПб, Экономическая школа, 2005, с 317).

В 1988-м лучшие экономисты Йеля и Гарварда с помощью эконометрических достижений Mainstream, в т.ч. отмеченных Нобелевскими премиями, попытались дать прогноз уже прошедших кризисов - чтобы оправдать, в частности, президента США Герберта Гувера, который не смог предугадать Великую депрессию. Все попытки оказались безуспешными. М. Скоузен констатировал, что эти попытки говорят «о принципиальной несостоятельности использования эконометрических моделей» (Кто предсказал крах 1929 года? Бум, крах и будущее. Анализ австрийской школы. М.: ООО «Социум», 2002, с. 175-177).

В 1994-м Нобелевские лауреаты, эконометрики М. Скоулз и Р. Мертон внедрили в хедж фонде «Long Term Capital Management» свою отмеченную премией модель Блэка-Скоулза. Её применение гарантировало фонду вероятность банкротства 1 раз в миллиард лет, однако уже в 1998-м фонд обрушился.

В 1977 году Нобелевский лауреат В. Леонтьев дал прогноз, сделанный по заданию ООН и вскоре признанный полной бессмыслицей (The Future of the World Economy. A United Nations Study by Wassily Leontiev et al. New York, Oxford University Press, 1977. Будущее мировой экономики. Доклад группы экспертов ООН во главе с В.Леонтьевым. Москва, «Международные отношения», 1979, 216 с.)

Нобелевский лауреат Д. Стиглиц с помощью модели Харрода-Домара, базирующейся на кейнсианстве тоже попытался выступить в роли Кассандры и тоже потерпел неудачу (Глобализация: тревожные тенденции, М.: Национально-общественный научный фонд, 2003).

Алан Гринспен в статье «Карта и территория» (М.: Альпина Паблишер, 2015) пишет: «Финансовый кризис 2008 года продемонстрировал в числе прочего, несостоятельность экономического прогнозирования... То, что кризис сентября 2008 г. оказался неожиданностью практически для всех, означало полный провал макромоделирования именно в тот момент, когда оно было так необходимо... Бессильной оказалась и модель, разработанная высокоуважаемым МВФ, которая ещё весной 2007 г. говорила о том, что «глобальные экономические риски *снизились* по сравнению... с сентябрём 2006 г. ... Экономика США в целом развивается хорошо... и даёт позитивные сигналы» (IMF, World Economic Outlook, April 2007).

«JPMorgan, - продложает Гринспен, - пожалуй, финансовый институт №1 в Америке, 12.9.2008, за 3 дня до кризиса, заявил, что рост ВВП США ускорится в первой половине 2009 г.»»

В то же время именно марксисты дали ряд точных прогнозов в истории, начиная с революций и заканчивая их поражением. В частности, советскими марксистами были предсказаны 11 экономических кризисов в «социалистической» Польше, советскими марксистами 50-х был предсказан распад СССР, за что их и репрессировали. Оказывается, марксистский метод, не разлагаемый на протокольные суждения, вполне приложим и к экономике, и к истории.

Вы будете смеяться, но в 2021 году в пермском классическом университете на семинаре по гравитации один из участников, сотрудник РАН, возопил ветхозаветное: «Философия – не наука! Она не прогностична!»

Специально разъясню: философия изучает наиболее общие для всех наук законы. В СССР это знал любой студент.

И для прагматистов, Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса, Джорджа Сантаяны, Джона Дьюи и др., якобы основа философии – практика. Однако практику они представляют утилитарно, под практикой они понимают лишь то, что полезно, выгодно. Полезность объявляется единственным критерием истинности. Релятивизм здесь возникает немедленно, поскольку каждый человек преследует свою выгоду, то истин столько же, сколько людей. Поскольку прибыль – это общая цель, то получение прибыли – истинно. Религия – тоже истина, т.к. приносит человеку облегчение, как опиум. Ложная информация – тоже истинна. Если принесла пользу некоторым государствам.

«Едва ли не "последней модой" самоновейшей американской философии является "прагматизм" (от греческого прагма - дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику... и... преблагополучно выводит из всего этого бога и целей практических, только для практики...» - отмечает Ленин («Материализм и эмпириокритицизм», ПСС, изд. 5, Т. 18, С. 363).

Полезно ли представление о КПРФ как о носителе идей коммунизма? Для КПРФ и для власти, для которой система выборов является стабилизирующим фактором – безусловно. Но для широких масс это обман. Прагматисты игнорируют, затушевывают такого рода пикантные моменты.

Сведением марксизма к пользе, к удовольствиям, к гедонизму занимался и Дж. Бергман, который, не давая ни единой ссылки на тексты Маркса, сообщает: «... одна из главных задач коммунизма... [состоит в том, что] есть, пить и веселиться нужно прямо сейчас, потому что завтра они [трудящиеся] могут умереть (а чтобы им было на что есть, пить и веселиться, они должны красть у богатых и преуспевающих). Маркс подчеркивал, что жизнь по большому смыслу не имеет никакого смысла, кроме получения удовольствия» (Дарвинизм как основа коммунизма <https://creationism.org/crimea/text/116.htm>).

Но далеко не всякая практика есть критерий истины. Если ваш термометр неисправен, ваша практика не отражает объективную реальность. Эксперименты с системной ошибкой не могут быть критерием истины, и эту ошибку далеко не всегда можно учесть.

Ленин объясняет: «... не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» («Материализм и эмпириокритицизм». ПСС, Т. 18. С. 145-146»).

Для Ленина истина – не суждение, а противоречивый процесс, в котором содержание знания не зависит от субъекта. Познание же есть восхождение относительных истин к абсолютной. Абсолютная истина не существует, но в то же время существует через относительные истины.

«... Человеческое мышление, - пишет Ленин, - по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, 5 изд. Т. 18. С. 137).

«Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, - пишет он далее, - состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [там же, стр. 146].

Практика показывает, что метод сталинизма – противоположен марксистскому. Сталин не смог предвидеть элементарного – реакции крестьян на ускоренно-насильственную коллективизацию по плану Троцкого. принятого Сталиным. Крестьяне сократил посевы, устроили массовый забой скота, вспыхнули десятки тысяч крестьянских восстаний. В 1934 году коллективизацию пришлось отменить, миллионы крестьян вышли из колхозов. Сталин не мог дать прогноз в отношениях с Германией, СССР потерял огромное количество людей, военной техники, стратегических территорий. «Самая передовая философия» была использована для уничтожения передовой науки, генетики, квантовой механики, микробиологии, и производительных сил в целом.

Генеральная линия Сталина на конструирование образа врага для достижения социального партнерства между классом управленцев-буржуа и рабочим классом, по аналогии с линией Гитлера, оказалась порочной, в 1991 году социальное партнерство рухнуло.

Борис Ихлов, 18.7.2021